

Увы, я не пророк. / Я лишь поэт, который славит время, / Живое, уплотненное до взрыва, / Великое для жизни всей земли».

Соч.: Избранные произведения: в 2 т. М., 1956; Стихотворения и поэмы / вступ. статья и сост. В. Огнева; подгот. текста и прим. Н. Банк. М.; Л., 1966. (Б-ка поэта. Б. серия); СС: в 3 т. М., 1986–89.

Лит.: Турков А. Владимир Луговской. М., 1958; Луконин М. Владимир Луговской // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Мориц Ю. А. «Мир малого покоя» и «великая тревога революции»: О некоторых особенностях выражения характера в лирике В. Луговского 20-х годов // Науч. труды Ташкентского ун-та им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 280. Ташкент, 1965; Гусев В. В середине века: О лирической поэзии 50-х годов. М., 1967; Бройтман С. Н. К вопросу о центральной проблеме книги В. Луговского «Середина века» // Русская лит-ра. 1968. № 2; Левин Л. Владимир Луговской: Книга о поэте. 2-е изд., доп. М., 1972; Михайлов Ал. Автобиография века // Михайлов Ал. Ритмы времени. М., 1973; Соловей Э. Поэтический мир В. Луговского: Очерк творчества. М., 1977; Страницы воспоминаний о Луговском: сб. 2-е изд., доп. М., 1981.

М. Ф. Пьяных

ЛУКАШ Иван Созонтович [30.3(11.4).1892, Петербург — 15.5.1940, Медона, Франция] — прозаик.

Отец — выходец из крестьян Полтавской губ., ветеран русско-турецкой войны 1877–78. (С него, по семейному преданию, И. Е. Репин писал казака с перевязанной головой на

И. С. Лукаш

картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».) Мать — воспитанница художника А. П. Боголюбова. Атмосфера Петербурга, в которой рос Л., в значительной мере повлияла на духовный облик и характер интересов будущего писателя. «Я думаю, — вспоминал Л., — что все, что окружало наше детство страшным и великолепным видением, аркады и колоннады, синенющие в прозрачном холоде северной ночи, Минерва и Сфинксы из Фив и медная квадрига Аполлона, замерзшего в высоте арки, все было магическим заклинанием таинственной силы, которого теперь не знает никто» (**Сны Петра**. Белград, 1931. С. 120). Озаренный торжественным величием русской имперской столицы, Л. мечтал о том, «чтобы Российская держава была столь же гармоничной и ясной, как фасады петербургских дворцов». Он «сотворил себе идеал просвещенной великой империи, объединившей под знаменем Державина и Пушкина, Петра и Екатерины многие культурные периоды. В русском XVIII веке видел он зачатки этого „светлого царства“» (Любимов Л. Д.— С. 202). Образ Петербурга станет одним из сквозных в исторической прозе писателя.

Л. учился в петербургской ларинской гимназии, затем в частной гимназии Л. Д. Лентуловой (1909–12), на юридическом ф-те Петербургского ун-та (1912–16), который окончил с выпускным свидетельством (сдаче экзаменов помешали революционные события). В 1905–07 — пору «своей странной революционной и романтической юности» — проявил интерес к эсерам. Под воздействием книг Майн Рида совершил неудачный побег в Америку. Позднее на короткое время сблизился с петербургскими эгофутуристами. В 1910 при содействии И. Северянина издал свою первую книгу — сб. сюрреалистических «стихотворений в прозе» — **«Цветы ядовитые»**. В 1912 выступал в изданиях эгофутуристов «Оранжевая урна», «Петербургский глашатай», «Дачница», публикуя в них (под псевдонимом Иван Оредеж) ритмизованную прозу в стиле У. Уитмена, в альм. «Стеклянные цепи» — статьи о модной в ту пору поэзии И. Северянина. В канун Первой мировой войны в качестве репортера сотрудничал в газ. «Современное слово», «Речь», ж. «Огонек». В 1915 вступил добровольцем в Преображенский полк, полгода находился в прифронтовых тыловых учреждениях. Приветствовал Февральскую революцию (занимал кадетские позиции), писал о ее героях — солдатах и офицерах — очерки пропагандистского характера в газ. «Труд и воля» Временного комитета Гос. думы (**«Преобра-**

женцы», «Павловцы», «Волынцы», «Ночь на 28 февраля в Зимнем дворце»), которые вскоре издал отдельными брошюрами. В дальнейшем в мировоззрении Л. происходит резкий перелом.

Осенью 1917 он участвует в подготовке восстания против советской власти, поддерживает Корниловский мятеж. В середине 1918 Л. уехал из Петрограда в Киев, где вступил в ряды Добровольческой армии. До эвакуации из Крыма врангелевской армии в нояб. 1920 сотрудничал в белой прессе (газ. «Юг России», «Голос Таврии»). В эмиграции жил в разных городах — Константинополе, Галлиполи, Тырнове, Софии, Вене, Праге, Риге, Париже. В Софии печатался в газ. «Свободная речь», в Берлине — в журн. «Русская мысль», газ. «Руль», был участником писательского содружества «Веретено», где сблизился с В. В. Набоковым. За время непродолжительного творческого сотрудничества с ним написал либретто пантомимы «Агасфер» на музыку М. Якобсона и балета «Лунный кавалер» на музыку А. Эйхмана, сочинил несколько скетчей для берлинского кабаре «Синяя птица» Я. Д. Южного. Позднее Набоков наделил некоторыми чертами личности Л. (в частности, склонность к мистицизму) героя своего романа «Подвиг» беллетриста Бубнова. Среди прочих трудов Л. этой поры — написанная им по заказу жены генерала Н. В. Скоблина Н. В. Плевичкой ее биография «**Деджин карагод**» (1925) (Носик Б.— С. 185).

Активная творческая деятельность Л. приходится на 1920–30-е. Ранние произведения писателя определила тема Гражданской войны. Разрабатывая ее, Л. уверовал в святость идеи Белого движения как единственно спасительной «национальной религии» для пребывающих в рассеянии русских, которая способна подвигнуть их к возрождению родины (**Литургия верных. К годовщине изгнания русской армии** // Руль. 1921. 16 нояб.; **Горнист поет** // Там же. 1922. 4 янв.). Эта идея определила пафос очерков «**Голое поле. Книга о Галлиполи**» (1922) — о буднях расквартированной на Галлиполийском п-ове врангелевской армии, настроениях бывших участников Гражданской войны. Крупным планом даны образы белых генералов А. П. Кутепова («взнуздан Галлиполи железным мундштуком железной дисциплины») и А. В. Туркула. (Военные мемуары последнего «Дроздовцы в огне» (1937) вышли в лит. обработке Л.) Очерки Л. о Галлиполи в кругах русской эмиграции были встречены неоднозначно. Теме Гражданской войны посвяще-

ны и др. ранние произведения Л.: повесть «**Смерть**» (1922), где показана жизнь провинциальной русской интеллигенции под властью большевиков, «поэма» «**Дом усопших**» (1922) о предсмертных часах советских граждан, умирающих от чехотки в одном из крымских санаториев. В «мистерии» «**Дьявол**» (1922), построенной как цепь слабо связанных фрагментов-видений (война, штурм Зимнего дворца, сцена изнасилования женщин батальона охраны, ночной кутеж в подвальном ресторане, допрос в ЧК — и над всем этим фигура дьявола, «дирижирующего» сонмом чудовищных видений). Критика отмечала, что Л. «легко отталкивается от грязной и кровавой земли — и повисает в метафизическом пространстве» (Мочульский К. // Звено. 1923. 26 февр.).

В основу биографического романа «**Белцвет**» (1923) легла история становления прошедшего горнило войны героя, чья судьба оказалась мистически связанной с образом загадочной женщины. Произведениями о Гражданской войне Л. снискал себе репутацию писателя-белогвардейца. В немалой степени этому способствовал его выход из писательского содружества «Веретено» в конце 1922 (совместно с И. А. Буниним, В. В. Набоковым и др.) в знак неприятия сменовеховских настроений у некоторой части членов этого объединения (Новое русское слово. Нью-Йорк, 1981. 4 окт.).

В 1925 Л. переехал в Ригу, где редактировал (совм. с Н. Г. Бережанским) газ. «Слово». В Латгалии он наблюдал жизнь русских крестьянских хуторских хозяйств, отошедших к буржуазной Латвии, которые, не испытывая диктата извне, получили возможность свободного развития. Эти впечатления Л. нашли отражение в очерках «**Земля святой Ольги. Угол Латгалии**» (Перезвоны. 1925. № 2) и «**Изборская земля. Дорожные заметки**» (Возрождение. 1929. 12 окт.). Л. отмечал, что «...на хозяине-земледельце вырастет... российская национальная демократия и Российская мирная держава» (Перезвоны. 1925. № 2. С. 38).

Стремление понять истоки трагедии 1917 привело Л. к исторической тематике. Он создает сб. рассказов о прошлом северной столицы — «**Черт на гауптвахте**» (1922), «**Дворцовые grenадеры**» (1928). Исторические рассказы печатались в разные годы в ж. «Сполохи», «Мир и искусство», газ. «Возрождение, ж. «Перезвоны» и вошли в сб. «Сны Петра» (1931). Свой взгляд на русскую историю Л. изложил в статье «**Две России**» (Руль. 1924. 9 сент.) и в предисл. к сб. «Сны

Петра»: «...мое отечество было обречено на ту судьбу, которая разыгралась на глазах нашего поколения... Россия... была не воплощенным до конца сном Петра, полуявью и полупровидением, сменой снов, движимых к горчайшему пробуждению». Такое понимание эпохи обусловило специфичный образно-тематический антураж его исторической прозы. Тоска по утраченной России уводила Л. от действительности в мир призраков и грез. Поэтизируя прошлое, он «любил писать о белой царице Елизавете, о суворовских гренадерах, о баталиях и пирах той поры, когда прорубалось окно в Европу», о «героике русского крепостного мужика в пудре и треуголке» (Любимов Л. Д.— С. 202). «Петербургские истории» Л. умело стилизовал под рассказ от лица солдат, старых нянь. Этим объясняется интерес писателя «к истокам русского языка, времени его особой полнотворности, ясности, свободы от инородных примесей» (Руль. 1923. 11 марта). В сюрреалистическом пространстве исторической прозы Л. действует мир людей (солдаты, старухи, масоны), магический мир вещей (загадочные старинные портреты, окруженные мистической аурой) и миражи, призраки, черти. «Страшно реален образ черта в творчестве Лукаша,— писал В. Татионов,— в этом он напоминает Гоголя, под сильным влиянием которого... находится» (Руль. 1923. 11 марта). В гротесковой манере написана приключенческая повесть Л. «**Граф Калиостро**» (1925) об известном авантюристе и мистике XVIII в. Джузеппе Бальзаме, посетившем Петербург в 1782. В основе повести — тема поисков «философского камня».

В 1928 Л. переехал в Париж, став постоянным сотрудником газ. «Возрождение» (редактор Г. П. Струве), в которой печатались И. Бунин, И. Шмелев, А. Амфитеатов, Н. Тэффи и др. Здесь Л. регулярно выступал со статьями, очерками, рассказами, рецензиями, публиковал отрывки из своих произведений.

С интересом был встречен его исторический роман «**Пожар Москвы**» (1930), в котором освещен трагический период русской истории от убийства Павла I до восстания декабристов. К. И. Зайцев отмечал, что «перед нами произведение русской литературы увлекающее и волнующее», на котором лежит печать «интуитивного прозрения в судьбы России» (Россия и славянство. 1930. 24 мая). В. Ходасевич обратил внимание на одну из характерных особенностей героев «Пожара Москвы» — их «медиумическую восприимчивость» к воздействию роковых сил истории. «У самого Лукаша, как и его героев, инстинкт

оказывается мудрее сознания» (Возрождение. 1930. 17 апр.). Написанный через 6 лет после «Пожара Москвы» роман «**Вьюга**» (1936) тот же Ходасевич назвал «живой, талантливой книгой» (Возрождение. 1936. 18 июня). Это произведение Л. писал для лит. конкурса, объявленного в 1933. Условие конкурса — показать в произведении опасность психологии большевизма.

На страницах «Возрождения» Л. выступал и как лит. критик. Писал о творчестве литераторов-современников (Куприне, Б. Зайцеве, Мережковском и др.). Размышляя о сущности худож. творчества, Л. подчеркивал, что истинное художество «всегда, вольно или невольно, ищет разгадки понимания духа бытия». Формула творчества мыслится Л. как «путь к откровению Бога в мире... Истинное художество — богопознание и боговыражение» (Возрождение. 1929. 28 марта).

В поздних романах «**Ветер Карпат**» (1938) и «**Бедная любовь Мусоргского**» (1940), создававшихся тяжело больным и нуждающимся Л., на первый план выходит тема рока, капризной «музыки судьбы», мистически влияющей на жизнь человека. Роман «Бедная любовь Мусоргского» считается самым значительным произведением Л., в котором он показал себя как талантливый стилист. Судьба Мусоргского в романе воспринимается как прелюдия к драме русского народа в XX в.

Творческое наследие Л. породило неоднозначные оценки современников. А. Н. Толстой считал, что «талантливые вещи» Л. «сильно портит политическая белогвардейская подкладка» (Известия. 1923. 8 мая). И. Н. Голенищев-Кутузов отмечал, что своими произведениями Л. «создает свой мир, легенду о Российской империи», обладающую «магической силой оживлять русские сердца в муках сорокалетнего странствования» (Возрождение. 1932. 23 июня). По свидетельству Р. Гуля, Л. остался «недооцененным» в эмиграции, ибо «всегда ходил „в правых“» (Новый ж. Нью-Йорк, 1979. № 134. С. 116).

Соч.: Соч.: в 2 т. М., 2000 / вступ. статья М. Д. Филина; Голое поле (Из повести) / предисл. В. Еременко // Кубань. 1990. № 11; Граф Калиостро / предисл. А. Аринштейна. М., 1991; Портреты / предисл. А. Богословского // Человек. 1992. № 2; Бедная любовь Мусоргского / предисл. А. Богословского. М., 1992; Князь Пожарский. Эюд / вступ. статья А. Богословского // Волга. 1993. № 7; Москва, страна отцов / предисл. А. Богословского // Москва. 1994. № 4; Дворцовые гренадеры / предисл. А. Апасова // Бежин луг. 1994. № 4.

Лит.: [Краткая биография, написанная женой Лукаше] // Возрождение. 1957. № 70. С. 29–30; Струве Г. П. Об одном берлинском лит. кружке // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1981. 4 окт.; Любимов Л. Д. На чужбине. Ташкент, 1987. С. 202–203; Первушин Н. В. Немного об Иване Лукаше // Новый ж. Нью-Йорк. 1988. № 172–173; Носик Б. Мир и дар Набокова. М., 1995. С. 184–185, 187.

В. Н. Запевалов

ЛУКНИЦКИЙ Павел Николаевич [29.9(12.10). 1902, Петербург — 22.6.1973, Москва] — писатель, поэт, журналист.

Родился в дворянской семье с богатыми военными традициями. Отец — Николай Николаевич Лукницкий, — член-корреспондент Академии архитектуры, инженер-генерал-майор; в советское время преподаватель Военно-инженерной академии РККА, затем Высшего инженерно-технического училища, организатор Ленинградского ин-та механизации строительства, активный участник строительства ряда крупнейших гидроэнергетических объектов в СССР, автор мн. изобретений и книг. Мать, — Евгения Павловна, урожденная Бобровская, — дочь известного военного историка, основателя и многолетнего руководителя Военно-юридической академии, генерала и сенатора П. О. Бобровского, занималась живописью и рисованием по фарфору, увлекалась новейшими техническими изобретениями, летала на аэроплане с С. И. Уточкин, была одной из первых женщин-автомобилисток в Петербурге. Л. учился сначала в Александровском кадетском, затем в Пажеском корпусах. Вместе с матерью совершил в детстве ряд путешествий по странам Европы (Германия, Франция, Бельгия, Швейцария, Дания, Австрия, Италия, Греция и др.). Тогда же, 11-летним мальчиком, начал и затем всю жизнь продолжал вести дневник, ставший своеобразной летописью его жизни и более чем 60-летней истории страны.

В февр. 1917, на волне революционных событий, Л. оставляет учебу и идет работать на Охтинский пороховой завод. Затем, прибавив себе 2 года, становится рабочим на строительстве железнодорожного моста через р. Волхов и др. участков железных дорог в окрестностях Петрограда, уже в 16 лет он — помощник машиниста паровоза. В первые послереволюционные годы Л. перепробовал множество профессий: разносчик и продавец газет, слесарь, грузчик, кочегар; ему принадлежат выразительные фотографии, запечатлевшие городскую жизнь эпохи

Гражданской войны. В февр. 1920 Л. добровольцем едет строить железную дорогу Александров-Гай–Эмба (Алгемба) к месторождению нефти на Эмбе в Заволжье, переживает там все тяготы военно-гражданской жизни: нападения басмачей, брюшной тиф, изнуряющий труд.

По служебному назначению переводится в Ташкент, там он с окт. 1921 в течение года — студент ф-та общественных наук Ташкентского ун-та. В это время обращается к лит-ре, знакомится с Б. А. Лавреневым (который учится в том же ун-те на старшем курсе), принимает участие в лит. организации «Арахус» (Ассоциация работников худож. слова) и в лит. кружке «Чугунное кольцо». Осенью 1922 следует перевод в Петроградский ун-т, на лит.-худож. отделение, а после его ликвидации — на этнолого-лингвистическое.

В Петрограде Л. погружается в лит. жизнь: участвует в лит. вечерах, поступает в Ин-т живого слова, становится членом его лит. кружка-студии, пишет и публикует стихи (вышли 2 поэтических сб. Л. «**Волчец**», 1927, и «**Переход**», 1931), знакомится с Н. С. Тихоновым, Вс. А. Рождественским, Н. Л. Браунном, позже — с В. М. Саяновым, Б. П. Корниловым, О. Ф. Берггольц и мн. др. В дек. 1924 принят во Всероссийский Союз поэтов, в 1925 — во Всероссийский СП. Во второй половине 1920-х Л. ведет большую организационную и общественную работу: он технический секретарь Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов (с дек. 1926 по сент. 1929), секретарь литбюро Федерации объединения советских писателей (ФОСП; с нояб. 1927).

Будучи еще студентом Петроградского ун-та, Л. пишет курсовую работу о Н. С. Гумилеве. В дек. 1924, заручившись поддержкой М. Л. Лозинского и В. К. Шилейко, он приходит к А. А. Ахматовой в надежде получить необходимые ему для работы сведения. Со стороны Ахматовой он встречает понимание и поддержку, не только готовность помочь, но и желание самой участвовать в этой работе. Рекомендация Ахматовой открывает Л. двери ко мн. людям, лично знавшим Гумилева: из их воспоминаний, равно как автографов поэта и биографических документов, собираемых и копируемых Л. в различных архивах, со временем составляется одна из самых ценных коллекций по русской поэзии первой трети XX в. Большое место в ней принадлежит также материалам Ахматовой, О. Э. Мандельштама и др. (хранится в РО ИРЛИ). Деятельность Л. получает широкую известность в лит. кругах, он становится про-